

Конечно, злость была естественной. С того момента, как Цзи Шаотин увидел два повелительных предложения от Ли Чэня, он сразу понял, почему этот парень решил сказать такие отвратительные слова.

Он всё ещё ребёнок, — подумал Цзи Шаотин, понизив голос:

— Такой способ мести очень детский.

— А как ещё я могу поступить? — усмехнулся парень. — Я действительно любил этого человека и до сих пор люблю. Если не выплесну это — умру. Я просто завидую твоей удаче, не знаю, какими заслугами ты заслужил его выбор. Если хочешь пожаловаться ему — я не боюсь. Сегодня вечером он сам начал играть со мной, я просто...

— Я ничего не скажу.

Цзи Шаотин вздохнул, белый пар растворился в холодном воздухе последнего вечера года.

Парень увидел, как Цзи Шаотин повернулся, и красная родинка на его виске, подсвеченная неоновыми огнями, на мгновение показалась доказательством какого-то статуса.

Он оставил одну фразу, такую тихую, что она пролетела мимо уха. Парень стоял на месте, пытаясь уловить её, пока Цзи Шаотин не сел в машину и не закрыл дверь. Тогда он наконец разобрал слова:

— Я не такой, как ты.

— Красный, с оттенком коричневого.

— Родинка на твоём виске такая особенная, она красная? Или коричневая?

Цзи Шаотин сидел в машине, глядя на игрушечную птичку на переднем сиденье — красную, с оттенком коричневого.

Оказывается, любимый цвет Ли Чэня — это цвет родинки на его виске.

Да, Ли Чэнь больше всего любил его лицо. Чистое, без злых мыслей, с чёрно-белыми глазами, которые позволяли ему всё видеть и контролировать. У него была сильная потребность контролировать всё.

Ли Чэнь не интересовался внутренним миром Цзи Шаотина, поэтому не хотел учитывать его чувства, уважать его решения или поддерживать в его стремлениях.

Даже после совершения ошибок он не извинялся, просто ждал, пока Цзи Шаотин сам пойдёт на примирение.

Ночной перекус не смог залечить раны, и раны, нанесённые Ли Чэнем, снова открылись.

Чем дальше машина удалялась от торговой улицы, тем гуще становилась ночь. Снова конец года, время увядания, и Цзи Шаотин понял, что весь этот год можно описать четырьмя словами: ничего не достигнуто.

Ли Чэнь велел ему ждать своего возвращения, не уточнив, должен ли он бодрствовать или может лечь спать. Цзи Шаотин бодрствовал, тупо глядя на балкон. Когда Ли Чэнь вернулся, он излучал тепло, улыбаясь, опираясь на дверной косяк. Цзи Шаотин больше всего любил его

улыбку. Если бы он не знал правды, то, возможно, действительно погрузился бы в неё этой ночью, безвозвратно.

Но он не погрузился. Он чувствовал только холодную ясность, настолько холодную, что он мог наблюдать за своим спектаклем со стороны. Он заметил, что улыбается, но улыбка была поверхностной, не проникающей глубже кожи:

— Ты вернулся?

— Да, — подошёл Ли Чэнь, сел на край кровати. — Вернулся.

Он хотел коснуться лица Цзи Шаотина, но вспомнил, что его руки холодные, всё ещё несут в себе уличный мороз. В итоге он просто встал и сказал:

— Сначала приму душ.

Ночью Ли Чэнь действительно пришёл за объятиями.

Под тёплым пушистым одеялом его объятия были такими же, как всегда, безудержными, горячими, как огонь. Поцелуи тоже, яростные и страстные, доводили его до грани удушья.

— Он очень страстный человек.

Цзи Шаотин, избегая Ли Чэня, говорил, что больше не может, и думал, что да, Ли Чэнь действительно мужчина с большими потребностями, способный создавать такие горячие физические контакты.

Если бы он не решил внезапно принести ночной перекус, вероятно, сейчас Ли Чэнь обнимал и целовал бы кого-то другого.

На самом деле Цзи Шаотин понимал, что между Ли Чэнем и тем парнем были лишь простые отношения для разрядки. Ли Чэнь ведь так долго не выпускал пар, а он сам не мог, поэтому его уход к другому был естественным. Это действительно было естественно, они ведь не настоящие супруги... Но, но...

Но он всё равно чувствовал ту отвратительную боль предательства, как будто у него вырвали кусок сердца.

— Хватит, — задыхаясь, Цзи Шаотин плакал, но в темноте Ли Чэнь ничего не замечал, он продолжал преследовать его губы, говоря:

— Не хватит.

— Правда, хватит, — отстранился Цзи Шаотин. — Давай спать, хорошо? Ты сегодня так долго работал, ты устал.

— Не устал, — хриплым голосом произнёс Ли Чэнь. — Тинтин, Тинтин...

Он схватил пальцы Цзи Шаотина и поцеловал каждый, дрожа от возбуждения:

— Сегодня ты впервые... впервые стал моей женой.

Такая необъяснимая любовь обрушилась на Цзи Шаотина, и он не мог найти выхода.

Ли Чэнь прижал руку Цзи Шаотина к своему виску, произнося каждое слово с силой, словно вынося приговор:

— Настоящей женой.

Они достигли ложного примирения, по крайней мере для Ли Чэня, все прежние обиды были забыты.

Жизнь продолжалась по обычному ритму, перед сном Цзи Шаотин позволял Ли Чэню обнимать его. В руках он держал стопку рождественских открыток, которые Салли передала на прошлой рождественской вечеринке. Сегодня вечером Ли Чэнь вдруг решил их посмотреть.

После того как он почувствовал любовь Цзи Шаотина, его желание контролировать становилось всё наглее. Он хотел знать всё о Цзи Шаотине, даже детские открытки, в которых хранилась часть неизвестного ему Цзи Шаотина.

Все они были красивыми, но если выбирать, то открытка Харри была самой красивой.

Цзи Шаотин держал открытку перед светом, наблюдая, как тёмно-синее небо наполнено блёстками звёзд, и подумал, что она добавила в акварель блёстки, это было слишком тщательно.

Открыв открытку, которая была похожа на произведение искусства, он увидел аккуратные строки на английском, начинающиеся с «Дорогой Джонас» и заканчивающиеся постскриптумом: «Ты помнишь нашу договорённость?»

— Конечно помню, — Цзи Шаотин, запертый слишком долго, уже привык разговаривать сам с собой.

Он обещал ей, что придёт на её выпускной.

Ли Чэнь тоже знал об этом, и, читая это, улыбнулся, обняв Цзи Шаотина за плечи:

— Пойдём вместе.

Цзи Шаотин на словах не соглашался, но те, кто знал его, понимали, что это было выражением нежелания. Однако Ли Чэнь не задумывался. Ему было тридцать три года, и он впервые влюбился, погрузившись в состояние опьянения, даже самые тонкие нервы притупились.

— Ты ответишь? — снова спросил он.

Цзи Шаотин сказал, что ответит. Его привычка — отвечать на новогодние открытки, с сильным национальным колоритом. Рука Ли Чэня соскользнула с его плеча на талию, увлекая его под одеяло:

— Напишешь — покажи мне, — капризно сказал он. — Я ещё не видел, как ты пишешь по-английски.

И по-китайски тоже, подумал Цзи Шаотин. Что он сейчас может делать, кроме домашних дел? Где у него возможность взять ручку?

— Тинтин.

— Да?

Ли Чэнь немного помолчал, прежде чем продолжить, смущённо:

— Я тоже хочу.

— Что хочешь? — Цзи Шаотин выключил свет.

— Открытку.

— Новогоднюю?

— Нет, другую.

Цзи Шаотин думал, что это за другая, пока Ли Чэнь переворачивал его и целовал. С той ночи Ли Чэнь обязательно делал это перед сном.

Его вторжение постепенно расширялось, переходя от шеи к животу. Цзи Шаотин понимал, что сопротивление бесполезно, оно только вернёт их отношения в состояние полуживого существования, как в те дни после возвращения из Лондона, поэтому он не проявлял никаких эмоций, просто притворяясь трупом.

Просто считая, что это часть расплаты.

— Я знаю, что ты помнишь, — прошептал Ли Чэнь в ухо Цзи Шаотину. — Ты точно помнишь.

Цзи Шаотин не знал, о чём говорит Ли Чэнь, но интуитивно чувствовал, что если он скажет, что не помнит, это вызовет большие проблемы.

Поэтому он сменил тему, думая, что это можно будет обсудить позже. Он погрузил одну руку в волосы Ли Чэня, нежно поглаживая. Он знал, что Ли Чэнь не может устоять перед этим.

— Понял, давай спать, — мягко сказал он. — Сейчас конец года, работы так много.

— Да, спокойной ночи, Тинтин, — услышал он, как Ли Чэнь смеётся. — Я жду.

Случайно так вышло, что университет, где преподаёт Чэнь Пэй, находится на севере, недалеко от родного дома Цзи Шаотина.

Теперь дружба Цзи Шаотина с Чэнь Пэй, вероятно, была даже сильнее, чем с Ли Чэнем, по крайней мере его чувства к ней были исключительно положительными. Поэтому, когда Чэнь Пэй заговорила о планах после работы, он без колебаний предложил своего старшего брата:

— Мама, если что-то случится, просто позвони моему брату, он работает в этом районе.

<http://bllate.org/book/16306/1470770>